

Лунный свет струился на землю, у ног Су Яня отражался белый блик — всего лишь маленькая лужа воды, смешанная с грязью. Если не присмотреться или если луна не светила бы так ярко, её легко было бы не заметить.

Только стоя рядом с Сянь Чэньюэ, можно было ясно увидеть, что происходит вокруг Су Яня.

Пара бледных, опухших рук вцепилась в ноги Су Яня, острые ногти уже проткнули его кожу и впились в плоть. Из лужи поднимались волосы, похожие на водоросли, бесчисленные пряди сплелись вместе и уже опутали половину тела Су Яня.

Су Янь тоже смотрел на стоящего неподалёку Сянь Чэньюэ.

Курица в его руках всё ещё отчаянно билась, а Су Янь не шевелился, позволяя волосам опутывать себя.

Каждая секунда, казалось, бесконечно растягивалась.

Су Янь не отрываясь глядел на Сянь Чэньюэ. Он, возможно, сейчас умрёт, но не чувствовал ни ужаса, ни страха, и даже с интересом думал — если он умрёт на глазах у Сянь Чэньюэ, изменится ли у того выражение лица?

Он подумал и о себе. Он никогда не хотел по-настоящему жить. Много раз он стоял на крыше и хотел спрыгнуть, но каждый раз в итоге не прыгал.

Говорят, в генах человека заложено стремление к саморазрушению.

Стоя на высоте, хочется прыгнуть вниз; держа нож и вилку, хочется выколоть себе глаза; даже маленьким лезвием можно резать кожу.

Прижигать себе кожу окурками.

Только разум всегда сдерживает этот порыв.

Су Янь вдруг улыбнулся Сянь Чэньюэ. Его голос был очень хриплым, но громким. Казалось, он хотел, чтобы Сянь Чэньюэ запомнил его, хотел, чтобы кто-то увидел, как он умирает, и на холодном ночном ветру, полуопутанный волосами, сказал Сянь Чэньюэ:

— Брат Сянь, подожди. Когда я умру, тогда и уходи.

Сянь Чэньюэ, как всегда, холодный и красивый, бесстрастно смотрел на него.

И когда Су Янь уже решил, что Сянь Чэньюэ проводит его в последний путь, тот вдруг пошевелился.

Сянь Чэньюэ двигался очень быстро. Его неброские мышцы таили в себе, казалось, безграничную взрывную силу. Почти в мгновение ока он схватил Су Яня за руку — в той руке всё ещё была зажата курица, которая отчаянно билась и истошно кричала, но уже без надежды на спасение.

В этот миг Су Янь, кажется, уловил запах Сянь Чэньюэ — слабый запах пота, точнее, запах тела.

Он также почувствовал тепло его ладони — не холодное, не горячее, в самый раз.

Сянь Чэньюэ посмотрел Су Яню в глаза:

— Отпусти.

Су Янь машинально разжал пальцы, выпустив курицу.

Сянь Чэньюэ голыми руками разорвал курице горло.

Кровь быстро закапала в лужу, и волосы, которые только что крепко опутывали Су Яня, вдруг ослабли, словно бесчисленные руки в отчаянной борьбе, или же впитывая питание.

Только руки, вцепившиеся в лодыжки Су Яня, не шелохнулись.

Сянь Чэньюэ заговорил быстро:

— Будет очень больно. Терпи.

Едва он договорил, не успел Су Янь опомниться, как Сянь Чэньюэ уже крепко ухватил его за руку и за талию.

Только тогда Су Янь понял, что имел в виду Сянь Чэньюэ под словом «больно» —

В прямом смысле, чертовски больно!

Он даже чувствовал, как ногти этого чудовища скребут по каждому мускулу его тела.

В школе он дрался, и когда ему сломали ребро, больно было не так. Острые когти, как ножи, вспарывали его плоть и мышцы, но он не мог остановиться, потому что сейчас тянул его Сянь Чэньюэ.

Су Янь понятия не имел, откуда у Сянь Чэньюэ столько сил.

Ведь мышцы Сянь Чэньюэ с виду были не такими мощными, как у него самого.

Сянь Чэньюэ просто-напросто вытащил его, а затем, под почти испуганным взглядом Су Яня, взвалил его себе на спину.

Су Янь: ...

Он что, спасён красавицей из беды?

Пока его на ходу перехватывали поудобнее, Су Янь, которого Сянь Чэньюэ нёс на спине, думал, лёжа у того на плече.

Что ему сейчас сказать?

Например: «Брат Сянь, почему ты решил меня спасти?»

Или: «Брат Сянь, ты мог бы и не спасать меня, главное, чтобы ты был в безопасности».

Или: «Брат Сянь, я просто шутил, я совсем не хороший человек».

Но в итоге он не произнёс ни слова.

Он слышал своё сердцебиение — быстрое, громкое.

Его грудь прижималась к спине Сянь Чэньюэ, и непроглядная тьма в его глазах в этот миг рассеялась.

Сянь Чэньюэ думал, что Су Янь очень тяжёлый. Интересно, чем он питался, что так вырос?

В старшей школе он подрабатывал на складе в супермаркете, носил холодильники, но Су Янь был тяжелее холодильника.

— Брат Сянь, а как же курица? — Су Янь закрыл глаза, кончик носа касался кожи на шее Сянь Чэньюэ, вдох пропитан его запахом.

Он витал в облаках, думая: оказывается, мужской пот может и не вонять, а наоборот, опьянять.

Сянь Чэньюэ чувствовал лишь горячее дыхание Су Яня.

— Отведу тебя обратно и снова поднимусь на гору, — холодно сказал Сянь Чэньюэ. — В следующий раз, что бы я ни делал, не иди за мной.

Тон был явно пренебрежительным, но Су Янь ничуть не огорчился.

Он только тихо сказал:

— Хорошо, брат Сянь. Что скажешь, то и сделаю.

Лицо Сянь Чэньюэ по-прежнему оставалось бесстрастным.

Он нёс Су Яня обратно, ни о чём не думая.

В тот момент, когда он положил Су Яня на кровать, проснулась Линь Минь. Она знала, что сегодня что-то должно случиться, и спала беспокойно.

Су Янь потерял сознание, когда Сянь Чэньюэ прошёл уже половину пути. Нога всё ещё кровоточила, но, к счастью, организм у него был крепкий — дыхание не ослабло.

— Останови ему кровь. Мне ещё нужно выйти, — Сянь Чэньюэ расстегнул воротник рубашки.

Он весь вспотел, рубашка промокла насквозь, так что он просто снял её.

Линь Минь, разрывая полоски ткани, чтобы перевязать Су Яня, украдкой поглядывала на Сянь Чэньюэ.

Сянь Чэньюэ действительно был хорош собой.

У него были и грудные мышцы, и пресс, и «дорожка Аполлона», и очень красивые ключицы, а плавные линии мышц тянулись вниз.

Особенно потому, что он был очень бледен, и лунный свет, пробиваясь сквозь окно, ложился на его тело.

Словно звезда с телеэкрана.

Линь Минь торопливо опустила голову, сосредоточившись на ране Су Яня.

Но в душе она молилась: если будет ещё один случай, пусть она снова встретит Сянь Чэньюэ.

Сянь Чэньюэ не стал осматривать рану Су Яня. Он снова пошёл к той горе, уже без футболки.

Без Су Яня, который путался под ногами, Сянь Чэньюэ быстро поймал курицу.

Волосы его почти промокли от пота, всё тело было липким, завтра обязательно нужно хорошенько помыться в реке.

Курица в руках Сянь Чэньюэ вела себя смирно. Не то чтобы она была послушной, просто Сянь Чэньюэ крепко её держал.

Шёл он легко, и в такой обстановке ему всегда вспоминалось детство.

Когда-то он жил в горах. Всего в горах было четыре дома, все одноэтажные, но лучше, чем в этой деревне — по крайней мере, кирпичные. Жил он с дедом, и каждый год на Новый год приезжала его мать.

Дед был врачом китайской медицины. Люди из окрестных деревень, если заболели, шли к деду. Дед не брал денег, и крестьяне тайком оставляли у его дверей яйца и копчёное мясо.

Иногда крестьяне просили его подняться в горы за травами — они не умели их различать — и давали Сянь Чэньюэ лепёшку с маслом или несколько конфет, и он, взяв свою маленькую корзину, уходил в горы.

Когда он вырос, то узнал: его мать родила его вне брака. В те времена это считалось страшнейшим грехом. Ей пришлось отправить его в родную деревню, а самой работать в городе, зарабатывать деньги и присылать ему.

Когда он учился в младших классах, дед умер, и мать забрала его к себе.

Мать уволилась с постоянной работы, взяла сбережения и открыла магазин нижнего белья. На каникулах он помогал ей в магазине.

Мать всё время думала, что у него было плохое детство, и всегда чувствовала вину.

Сколько бы раз Сянь Чэньюэ ни говорил ей, что это не так, она не верила.

Он никогда не считал своё детство плохим. Напротив, уехав в большой город, он часто вспоминал жизнь в горах.

Дед был высоким, отлично готовил, у них дома были мясные консервы. Дед учил его играть в шахматы, а когда проигрывал, жульничал. Он всегда трепал его по голове и желал, чтобы тот вырос честным и хорошим человеком, лучше всего — врачом.

Окрестные крестьяне тоже были хорошими. Они уважали деда и поэтому любили и самого Сянь Чэньюэ.

В детстве он не знал лишений. Лазать по горам и плавать по рекам — вот в чём он был силен.

Потом, когда он попал в город, мать тоже хорошо к нему относилась. Она, женщина одна, без опоры в большом городе, с подрастающим сыном на руках — сплетни соседей чуть не утопили её. Он сам слышал, как соседи за столиком внизу судачили, что его мать в молодости, наверное, была проституткой — забеременела от клиента и была вынуждена родить.

Он слышал, как они говорили, что она столько лет не заводила семью, а всё потому, что в молодости распутничала, что она шлюха.

А мужчины говорили: если б ты была шлюхой, мы бы тебя и так отымели.

Сянь Чэньюэ перевернул стол, прокусил губу до крови. Он не стал бить женщин, но с мужиками справиться не мог. Потом вернулась с работы мать и отвезла его в больницу.

Она думала, что она — его позор.

Сколько бы раз Сянь Чэньюэ ни говорил ей, она не верила.

Но Сянь Чэньюэ всегда считал, что это он — её позор, это он разрушил её жизнь.

Если бы не он, она жила бы, как все счастливые женщины: может, у неё была бы своя семья, свои дети, а может, и нет, но она могла бы идти по солнцу с высоко поднятой головой, а не быть мишенью для пересудов.

Всё изменилось во втором классе старшей школы.

Сянь Чэньюэ не стал думать дальше.

Он должен жить.

Он стал для неё обузой на всю жизнь — как он смеет легко умереть?

Даже если он весь в ранах, если ему суждено страдать, даже если он будет видеть, как

умирают другие, он должен жить.

Сянь Чэньюэ швырнул курицу в дом, подобрал на горе тонкую лозу и привязал её лапы к ножке стола. И только потом пошёл проведать Су Яня.

Линь Минь как раз вытирала Су Яню пот. Здесь не было ни противостолбнячной сыворотки, ни жаропонижающего. Если случится беда, Су Яню останется только винить судьбу.

— Воды ему дашь только на рассвете, — Сянь Чэньюэ сел на край кровати.

Линь Минь кивнула. Её голос звучал мягко:

— Брат Сянь, ты... ты ложись спать. Я присмотрю за братом Янем, а сама посплю завтра днём.

Сянь Чэньюэ кивнул, лёг и вскоре уснул.

После долгого дня сейчас было, наверное, часа два-три ночи. Завтра — последний срок.

Кто-то непременно не выдержит.

Сянь Чэньюэ перевернулся на другой бок. У него в носу стоял запах крови и земли, но он не проснулся, словно не чувствовал вони.

Линь Минь смотрела на спящее лицо Сянь Чэньюэ и украдкой изучала взглядом черты его лица.

Он был подобен сну, а не реальному человеку.

<http://bllate.org/book/18701/1807460>